

А.Анно

Дрова-233

Константин Пимешков

За тридцать лет космодром Ласковой почти не изменился. Серым грибом торчала на холме диспетчерская башня. Ветерок доносил от зарослей местного папоротника запах мяты. Слегка поблекший указатель на повороте к грузовому терминалу сообщал, что кабак работает круглосуточно. И все так же дымил под навесом мангал. Разве что корабли стали другими да подросли березки у входа.

Дверь кабака негромко стукнула за спиной, отсекая тишину утреннего космодрома. Василий подошел к стойке, заказал кружку светлого меда и спросил:

— Не подскажите, кто тут может помочь с дровами?

Бармен посмотрел в зал:

— Афоня еще не подошел. Вы располагайтесь, а я ему покажу вас.

Устроившись в уголке, Василий огляделся. За соседним столиком завтракали сонные грузчики. Чуть дальше сидела шумная компания молодых людей в десантных комбинезонах. Несмотря на раннее утро, нашлись и желающие потанцевать. Бортовое время на кораблях разное. Если для работников космодрома день только начинался, то у кого-то могло наступить время обеда или ужина.

Одна из танцующих девушек показалась Василию знакомой. Свойственные пилотам плавные скупые движения и хрупкая фигурка в форменном сарафане не вязались с прической. Василий смотрел и никак не мог вспомнить хоть одну пилотессу с длинными волосами. Пил мед и ждал, когда девушка обернется.

Но раньше появился Афоня. Высокий молодой парень поставил на стол кружку. Сел напротив, будто сложился, и спросил:

— Это вы дрова искали?

— Да.

Афоня снял широкополую шляпу, пристроил ее на соседний стул. Не спеша отхлебнул из кружки.

— Вам какие нужны?

— Двести тридцать третьи.

— Сколько возьмете?

— Килограмм триста — триста пятьдесят.

— Куда вам так много?

— Я тут по случаю купил ка-шестой, а дрова для него теперь найти трудно. Лучше уж сразу запастись, — объяснил Василий.

— Газофазники нынче не в моде, — согласился Афоня и приложился к кружке.

«Наверное, считает, что ветеран приобрел себе игрушку, — подумал Василий. — Пусть! Главное, чтобы нашел дрова». Облизнув губы, Афоня спросил:

— В топку укладывать сами будете?

— Да. Истопник у меня есть.

— Это хорошо. У нас тут вечная очередь, а вояки не очень-то любят ставить гражданские суда на заправку. Заберете всё сразу или оставите на хранение?

— Заберу.

С комфоном в руках Афоня отошел к стойке. Танцевавшая молодежь расходилась. Василий попытался рассмотреть девушку в сарафане, но не успел. Вернулся торговец.

— Вам повезло. В неликвидах лежат четыреста шестнадцать килограмм в мелкой таре. У нас тут раньше «Беркуты» стояли. Потом их куда-то перевели, а дрова остались.

Василий убедился, что не зря прилетел на Ласковую. Еще молодым лейтенантом он три года служил здесь — в орбитальной обороне. Летал на «Беркутах», которые никуда не переводили, а отправили на свалку. Улыбнулся и спросил:

— Сколько с меня?

— Если заберете всё, то пойдут со скидкой. Плюс оформление на таможне, погрузка... Скажем, пятьдесят тысяч. Найдете или будете брать меньше?

— Найду. Еще я бы приобрел два ремонтных скафандра с полным комплектом инструмента и списанные снаряды калибра триста пятьдесят... — Василий прикинул количество. — Штук тридцать.

Трубки запалов старатели использовали для сканирования астероидов. Глаза Афони блеснули в предвкушении прибыли. Если клиент готов, не торгуясь, выложить пятьдесят тысяч, то есть вероятность, что он найдет и еще пять-шесть.

— Чего вы будете с ними возиться? Я могу предложить каротажный комплект с буром и манипулятором.

Но Василия интересовали снаряды. Он покачал головой и выдал заранее придуманную отговорку:

— Я уж как-нибудь по старинке. Привык, знаете ли, все своими руками.

— Ну как хотите, — разочарованно сказал Афоня и снова переместился к стойке.

Василий осмотрел зал. Нашел девушку в сарафане. Узнал и быстро отвернулся. Встреча со Светланой сейчас оказалась бы нехстати. Хотя поговорить очень хотелось. Почти шесть лет на одном авианосце! Но Светлана Даниловна Алексеева уже не молодой пилот, а инспектор Транспортного управления.

Стараясь держаться спиной к ней, Василий поднялся и подошел к бармену.

— Хороший у вас мед. Наваристый. Вы навынос наливаете?

— А как же! Вам сколько?

ФАНТАСТИКА

— Литров шесть. Желательно в литровых бутылках. Двое суток простоит?

— Я вам налью четыре бутылки молодого. Если в холодильнике не ставить, то завтра будет готов. А еще пару — свежего. Вот его лучше в прохладном месте держать.

Пока бармен собирал заказ, Афоня закончил разговор. Убрал комфон и сообщил:

— Есть и триста пятидесятый калибр, и скафандры. За всё — пятьдесят три тысячи.

Расплатившись с барменом и забрав пакет, Василий спросил:

— До вечера погрузить успеем?

— Успеем.

Афоня надел шляпу, выяснил, в каком квадрате припаркован грузовик, и ушел. Василий посмотрел на Светлану. Она очень изменилась. Из сорванца с короткой стрижкой превратилась почти в светскую даму. Ей бы блистать на балах в столице, а не сидеть в кабаке среди дальнобойщиков и космодромной obsługi. Но что поделать, если работа заставляет мотаться по планетам.

Чтобы не наводить на ненужные мысли диспетчерскую службу, Василий заявил маршрут к себе на Край. Он даже заказал по дальней связи место в порту. Не бог весть какая маскировка, но кому нужен пенсионер на старом грузовике? Служба наблюдения флота доклад отправит в управление на Китеж. Даже если там заинтересуются, куда пропал корабль, то на раскачку у них уйдет не меньше недели. Ну, если узнают про покупку дров и снарядов.

Сидя со стаканом меда перед экраном, Василий ждал, когда корабль покинет систему и можно будет выйти на сверхсвет. Вызов прозвучал неожиданно. Связь требовал орбитальный диспетчер:

— Ка-шесть! Зайчук! Ответьте!

— Слышу вас. Что надо? Я на гиперболической.

Василий понадеялся, что парень, смотревший с экрана, отключит связь. Мешать кораблю выходить из системы обычно не принято. Да и более чем минутная задержка сигнала не способствовала содержательным разговорам. Но диспетчер, дождавись ответа, глянул в сторону и сообщил:

— С вами будет говорить старший инспектор Транспортного управления.

Появившись на экране, Светлана улыбнулась:

— Здравствуй, дядя Вася! Увидела твою фамилию в списке вылетов. Решила посмотреть, тот ли это Зайчук. Не так много Зайчуков в пространстве.

— Здравствуй! Смотрю, ты по службе двигаешься на сверхсвете, — ответил комплиментом Василий. Отхлебнул из бокала и стал смотреть на таймер, показывающий расчетное время прохождения сигнала.

— Летаю! — улыбнулась Светлана. — Зато тебя что-то не видно. Где прячешься-то?

— На Крае.

— Занесло ж тебя в глухомань! И не скучно на поверхности?

— Внуки скучать не дают. Ты, это... Будешь на Крае — ко мне залетай. Пирогам угощу. С рыбой, с малиной. Озеро у меня теплое. Позагораешь, искупаешься.

Василий отметил, что начальный отсчет таймера увеличился. Еще немного, и паузы затянутся до трех минут.

— Обязательно загляну! — пообещала Светлана и махнула рукой. — Ладно! Пока! Ненавижу этот тормоз! Диспетчер отключился, и Василий облегченно вздохнул.

Система Ласковой находится на краю Империи. Дальше, до самого рукава Персея, — пустота, в которой от звезды до звезды десятки световых лет. Туда-то и свернул Василий через пару часов сверхсветового хода. До одинокой системы, где его ждали, оставалось лететь почти сутки.

Чтобы не маяться от безделья, он решил проверить купленные скафандры. Водил ультразвуковой насадкой вдоль швов. Бормотал, комментируя показания дефектоскопа:

— Так! Эта прокладочка в норме. А тут у нас что? Хомутик ослаб? Сейчас протянем...

Старая привычка — разговаривать с самим собой. Пилоты-истребители по натуре одиночки. Боевые порядки, веера перестроений — все это красиво смотрится на парадах. Но эскадренные бои случаются редко. А когда сутками висишь в засаде у поверхности какого-нибудь планетоида или ждешь с заглушенным реактором аварийку, то становишься излишне болтливым. Стоило вновь очутиться в пространстве — привычка вернулась. С тех пор как Палыч втянул его в эту авантюру, Василий налетал больше двухсот световых лет. Ка-шестой разыскать — та еще проблема. Кораблей с газофазными двигателями уже давно не выпускали. А покупая без повода редкие дрова, можно привлечь к себе внимание Транспортной инспекции или, не дай Бог, Службы безопасности. Вот и не получилось у него нормально поговорить со Светланой. За столько лет первый раз встретил, и, как назло, не вовремя.

Василий продолжал бормотать:

— В люди выбилась! Расцвела, девонька! Как раз по ней работа.

Светлана всегда отличалась принципиальностью. Норовила все делать по уставу и не вписывалась в извечный бардак космофлота. Василий, как командир отряда истребителей, вынужден был поначалу улаживать конфликты. Потом сослуживцы привыкли, даже стали ценить честность и прямолинейность пилотессы. Но для командира авианосца Светлана так и осталась разреженной туманностью — не знаешь, когда влетишь и каким курсом выбираться будешь. При первой же возможности он дал девушке направление в Академию. По выпуску ее распределили в Транспортный надзор. Светлана отлично вписывалась в компанию работавших там упрямцев и буквоедов. Василий убеждал себя, что правильно сделал, сбежав с Ласковой. Не стоило сейчас встречаться со Светланой. Покупка дров и снарядов могла вызвать закономерные вопросы. Соврать он не смог бы. Но и рассказать, во что ввязался, — тоже! Это не только его тайна.

— Ладно, — пробормотал Василий. — Прилетит на Край, я ей все объясню. Тогда уже ругаться будет поздно.

А пока госпоже старшему инспектору не стоит знать, что рядом с границами Империи появилась наблюдательная станция чужих. Породившая ее цивилизация существовала неизвестно где и неизвестно когда. Гигантские пирамиды изредка залетали в рукав Ориона. Если попадали в населенные системы, то устраивали бойню, не разбираясь, крейсер перед ними или пассажирский

лайнера. Их прогоняли. Уничтожали, когда получалось.

Светка узнает — пришлют сюда флот. Если не спугнут, то разнесут на кусочки. Так и не узнаем, что чужие вынюхивают в нашем рукаве? Но по большому счету — мне на них наплевать. Это Палыч хочет утереть нос умникам, отправившим его на пенсию. Добыл где-то эсминец. Николаича заманил возможностью поработать с серьезной техникой... — Василий подтащил к себе второй скафандр. — Эх! Засиделись мы. Приключений захотелось. Интересно, кто будет разбираться с инопланетной информацией? Чужой блок памяти — это не база данных из архивов и не клинопись на замшелых плитах. Тут нужен хороший ксенолог со знанием кибертехнологий. Темнит что-то Палыч. Ох, темнит!..

Так, не замечая, говорит он или только думает, Василий закончил проверку. Упаковал скафандры и отправился спать.

Эсминец ждал там, где и договаривались, — в плоскости эклиптики со стороны Ласковой. Правда, Палыч на круговую орбиту его не вывел, просто застопорил в двух световых часах от звезды. В результате эсминец шел по длинному эллипсу и немного вращался вокруг оси. Пилот из адмирала еще тот!

Кормовой маяк исправно выдавал в эфир импульсы, но с автопилотом связаться не удалось. То ли неисправен, то ли протоколы несовместимы.

— А может, Палыч забыл его включить? — пробормотал Василий. — Опять все вручную, на древнем разболтанном грузовике. У адмирала помощи лучше не просить. От него если и дождешься, так только совета. Да и тот будет приправлен огромным количеством тактических данных.

У выхода из шлюза Василия встречали.

Прислонившись к переборке, стоял широкий, как крышка люка, инженер. В его лысине отражалась полоса освещения, убегавшая вдаль по коридору. Перед Николаичем, приплясывая маленьким седым коlobком, улыбался адмирал на пенсии.

— Привет, Семеныч! Привез? А мы тебя так рано не ждали. Пошли — пообедаем! Там поговорим!

«Понимает, старая штабная крыса, что виноват, — подумал Василий. — Бросил как попало корабль. Вращение не устранил. Понадеялся, как всегда, на других. Стратег!»

Николаич буркнул что-то, ссутулился. Шершавая натруженная ладонь плотно сдавила руку. Вечно стесняющийся своих габаритов инженер тут же отступил, пропуская Василия вслед за адмиралом.

Из кают-компания в коридор выплывал аромат борща. Но даже сквозь него пробивался застоявшийся запах пыли. Аварийные леера под потолком провисали. Серый корабельный утеплитель, расчерченный на квадраты алюминиевыми планками, нагонял тоску. Таких древних кораблей Василий еще не встречал. Он провел пальцем по прокладке люка. Эластичность пока достаточная, но былого глянца уже нет.

— Палыч, ты его из музея угнал, что ли?..

Прихлебывая горячий борщ, адмирал рассказывал историю эсминца:

— Лет тридцать он числился в составе пятого флота. Перед Пиратской заварушкой попал на верфи. Отправили на модернизацию двигателей и забыли. Провисел там, на дальних орбитах, лет десять. Потом его передали

в училище. Но в прошлом веке строили крепко, и курсантам убить его не удалось. А после конфликта в Радужной туманности списали и засунули на свалку. Без единой пробоины и с исправным вооружением! Видимо, кто-то там хотел прибрать его к рукам. Николаич вовремя заметил неполадку, и прибрали его мы. Я изобразил комиссию по проверке техцентра и всех там здорово напугал. А под шумок перегнал к себе на Енисей. Мечтал: выйду на пенсию — летаю в рукав Персея. Потом перегорел как-то. Всё дела мешали. Уже думал продать, а тут, надо же, — пригодился!

За разговорами незаметно закончился обед. Теперь начиналась работа. Вернее, работа начиналась у Николаича и его истопника. Василий проводил работа-заправщика на грузовик. Запустил в трюм. Приподнял морду, механический рак пополз к штабелю контейнеров с дровами. Махнул на ходу манипулятором. Василий помахал в ответ и отправился собирать вещи.

На эсминце он забросил сумку в первую попавшуюся каюту и поспешил в ремонтную рубку.

Палыч сидел в кресле оператора-энергетика со стаканом меда в руке. На пульте перед ним стояли бутылки и пластиковые стаканчики. На экране подрагивал прикрытый по бокам захватами робота керамический контейнер. Обычно молчаливый Николаич сжимал в огромных кулаках джойстики управления роботом и недовольно бурчал.

— Чего это он? — прошептал Василий.

Адмирал подал ему стаканчик и так же шепотом ответил:

— У заправщика сил не хватает крышку сорвать. Прихватило там резьбу за столько лет. Резать придется.

По шву побежало оранжевое пятно. За ним потянулся малиновый хвостик. По мере остывания он становился вишневым и скрывался за краем вращающегося контейнера. Крышка упала и откатилась за обрез экрана. В глубине блеснули рифленой поверхностью дрова.

Со снарядами Николаич провозился двое суток. Прессовал, полировал, снаряжал. Палыч гонял на тактическом анализаторе схему боя. Водил курсором вокруг тетраэдра станции. Объяснял:

— Вот смотри, как только она там сообразит, что мы пришли по ее душу, плюнет в нас что есть мочи. Мы должны будем оказаться вот тут, по оси пирамиды, чтобы сработал только один излучатель. Ты уворачиваешься и заходишь вдоль ребра. Вот там доворачиваешь морду, чтобы один из дальних излучателей оказался на оси. Стреляешь дуплетом. Первый снаряд она собьет, второй проскочит через облако. Николаич говорит, достаточно пары сотен метров разлета, чтобы плотность нейтронного потока упала ниже критической. А получится там — метров пятьсот. Второй снаряд прорвется к излучателю. Тут ты делаешь поворот и стреляешь в тот, мимо которого проскочил. С остальными двумя — по той же схеме. Пушку я уже настроил на дуплет с интервалом в десять миллисекунд. Синхронизировал запалы с дальномером целеуказателя. Ты только старайся держаться поближе к ребрам, чтобы не подставляться под три излучателя. И далеко там не отскакивай! Оторвется — обратно так просто не подпустит. Потеряем время — уйдет на свержсвет.

Василий смотрел на схему:

— Ладно. Допустим, мы сможем подойти к ней...

— Сможем, сможем! Я ж тебе уже объяснял. Станция там висит на орбите первой планеты. Обгоняет ее на полчаса. Подойдем, прикрываясь планетой. — Адмирал показал курсором. — Разгонимся до тридцати круговых, чтобы у нее на раздумья осталось меньше минуты.

— Тебе виднее. Я эти станции видел только на картинках.

— А я всю базу по ним из архива упер! — Адмирал сиял от гордости.

Палыч с детства бредил инопланетянами. Пока он не дослужился до золотых погон, начальство смотрело на эту причуду сквозь пальцы. Но когда адмирал стал выступать на совещаниях в генштабе с рассказами о происках чужих, его спровадили на пенсию.

Кресло первого пилота, казалось, ждало, когда Василий устроится на его мягких подушках. Шевельнулась, подстраиваясь, спинка. Ремни плотно прижали к ней плечи. Теплая керамика джойстиков показалась бархатной.

— Палыч, откуда ты узнал про станцию?

Адмирал оторвался от клавиатуры:

— Один хороший человек сказал.

— А как эта информация прошла мимо СБ?

— Он сам тут ее встретил и мне сказал. Лично. — Палыч вывел на экран схему системы с проложенным маршрутом. — Ладно! Отцепляй грузовик, и поехали.

Василий подал команду на стыковочный узел и только потом сообразил, что на борту грузовика остался робот.

— А мы что, истопника забирать не будем?

— Зачем? Мыть его еще — воду тратить. Он же там грязный после полировки дров.

— Тьфу! Стар я стал, соображаю туго.

— Я и сам не подумал. Николаич — специалист, подсказал, — признался Палыч.

Эсминец шел ровно, не то что дешевый газофазник. Балансировку его двигателя имели лучшую, чем на некоторых современных кораблях. Пока летели, Василий вспоминал, что рассказывал Палыч о чужих. Подстрелить инопланетный аппарат удалось всего два раза. Да и то окружив целым флотом. Правда, получили при этом оплавленные обломки. Еще несколько раз станции сбегали, оторвавшись. Не так просто подойти на дистанцию залпа к инопланетному изделию. Чужие умели строить. Двухкилометровый тетраэдр нес на вершинах плазменные излучатели огромной мощности. Маневренностью станция не блистала, скоростью тоже. Зато двигаться и стрелять могла в любом направлении.

Получалось, что без поддержки радиоразведки и давления они рискуют попасть под удар излучателей.

«Совсем Палыч все засекретил! — зло подумал Василий. — Нет чтобы кого из разведки позвать. Кораблик спереть, имитаторами напичканный. Да хоть бы сюда, на эсминец, догадался имитаторы подвесить. Стратег!.. Ладно! Радиопомех не будет. Чего нет, того нет. Стоп! Взрывы-то создадут помехи во всем диапазоне!»

— Палыч! А ты вспышку учел? Это же не меньше двадцати тераджоулей.

— Учел. Но сильно не надейся. Станция там ослепнет на полсекунды после первого взрыва, а дальше она адаптирует датчики и больше форы тебе не даст.

Василий попросил:

— Пока время есть, прогони-ка еще раз переворот и второй дуплет.

На станцию эсминец, как и было задумано, выскочил из-за планеты. Палыч всё рассчитал правильно. Первый снаряд взрывался, встреченный шаром высокотемпературной плазмы. Следующий, оставаясь невидимым за фронтом раскаленных газов, прорывался к вершине пирамиды. Два излучателя удалось отстрелить, словно в тире. А вот дальнейшие действия искусственного разума, управляющего станцией, оказались неожиданными. Василий нервничал, пытаясь зайти в атаку на беспорядочно вращающуюся пирамиду. Шаровые молнии размером с истребитель уже пару раз проходили в нескольких метрах от эсминца. Компенсаторы иногда не справлялись, и на крутых виражах возникала вибрация корпуса. Василий выпустил два дуплета, но они прошли мимо. Подумал, что экономить не стоит.

— Николаич! Ты сколько снарядов зарядил?

— Двадцать восемь, — откликнулся из ремонтной рубки инженер.

— Палыч! Пять в очередь! Интервал прежний!

Станция поднималась над плоскостью эклиптики. Набирала скорость, чтобы, вырвавшись из объятий гравитации, перейти на сверхсвет. Василий прижимал эсминец к граням, стараясь не попасть под импульс. Удивлялся, как в таком напряжении может слышать треск клавиш. Казалось, за спиной работал сумасшедший метроном. Отсчитывал последние мгновения боя.

— Есть! — крикнул Палыч.

Василий наклонил джойстик, пуская эсминец по дуге. Не дожидаясь, когда курсовое перекрестие совпадет с излучателем, нажал спуск. По корпусу словно провели обломком стекла — это взвизгнула пушка, ствол которой проходил через весь эсминец. Видимо, очередь перегрузила разгонные соленоиды. Снаряды ушли веером, перекрывая возможное смещение излучателя. Какой из них попал в цель, Василий не заметил. Он бросил корабль к ребру. Уходя по инерции, разорвал дистанцию. Развернул эсминец. Выпустил очередь. И не сразу сообразил, что станция резко ускорилась. Палыч заорал:

— Уйдет!

Василий, уже не опасаясь излучателей, бросился вдогонку. Прицелился и аккуратно послал снаряд в дыру на вершине пирамиды. Из сферического облака взрыва вырвалась струя плазмы. Адмирал охнул. Василий рванул эсминец в сторону, огибая резко потерявшую ускорение станцию. Спросил:

— А она не сбежит?

— Надеюсь, на разгон ей мощности теперь не хватит. Но ты там посматривай. Недолго осталось. Думаю, через полчаса реактор сдохнет, и пойдем.

Два окна на экране показывали внутренности станции. Лучи фонарей не стояли на месте. Вслед за ними поворачивались камеры на плечах скафандров. Казалось, стены ползают по экрану.

Николаич с ремонтным лазером наперевес оттолкнул вырезанный кусок переборки и нырнул в очередной отсек. Адмирал, протискиваясь за ним, вещал:

— Это последняя. Там подвешен процессорный блок. Вот он-то нам и нужен. Излучатели Семеныч классно отстрелил! И энерговод перерубил там, где надо. Смотри,

тут даже ничего не оплавилось. Я месяц схемы изучал, прежде чем догадался, как ее добить. Потом все атаки просмотрел. Не надо на нее эскадрой набрасываться! Достаточно одного эсминца. Конечно, броненосец тут лучше бы справился.

«Броненосец ему! — подумал Василий. — А вот попробовал бы он на той черепахе под огнем вертеться. Ну и что с того, что у него броня импульс держит. В три излучателя нагреют — и хана. Нет, лучше эсминца только истребитель! Но на истребители не ставят электромагнитные пушки».

А Палыч всё нес какую-то чушь. Довольный тем, что построил правильную схему атаки, он уже не мог остановиться.

Друзья-пенсионеры вырезали из переплетения полосатых трубок зеленый ящик. Сундук с сокровищами чужой цивилизации. Оставалось только вытолкать его из станции и прыгнуть на эсминце.

Расступились края пробоины, и на экране появилось изображение корабля, освещенного красной звездой. Кладоискатели возвращались с добычей. Наплывал борт эсминца. Его словно лизнул протуберанец солнечной короны. Торчали оплавленные пилоны подвески. Облезшее антирадарное покрытие болталось клочьями.

— Что ж Николаич не сказал-то? — пробормотал Василий. — Я и не заметил. Интересно, сколько же это я без датчиков левого борта воевал?

— Что ты там бормочешь? — спросил Палыч, услышав голос в наушниках.

— Да нет, это я так, про себя.

— С умным человеком разговаривает, — пояснил Николаичу адмирал и заорал так, что динамики захрипели: — Мы сделали это! Теперь я им покажу!

— Кому? — машинально спросил Василий.

И тут в эфир ворвался звонкий голос:

— Кто стрелял? Зачем стрелял? Дядь Вася! Ты жив? Отзовись! Эй! Зайчук!

Василий вырубил изображение с камер скафандров и обнаружил на экране яркую точку. Навел на нее курсор. Система опознавания услужливо сообщила, что это броненосец «Лютый». Квалифицирован как свой. Дистанция — чуть больше двух мегаметров.

«Вот же принесла нелегкая! — чуть не ляпнул вслух Василий. — Небось все системы в округе прочесала. Теперь начнется! Светка нарушителей закона на дух не переносит! Хотя эта система в состав Империи не входит и здесь Транспортное управление нам не указ. Но дрова-то куплены на Ласковой!»

Радовало то, что броненосец шел медленно и тормозил не с предельным ускорением. Если б Светлана решила их арестовать, то на эсминце давно уже хозяйничали бы десантники. Значит, она не считает, что покупка дров — это нарушение Конвенции, и прилетела только потому, что беспокоилась.

Василий поспешил ответить:

— Светочка, ты что, меня искала?

Донесся облеженный выдох, и Светлана спросила:

— Ну и фейерверк ты устроил! Я его больше чем за час увидела! Думала, тебя уже прибили. Спешила. А ты...

Показалось, в динамиках кто-то шмыгнул носом.

«Неужели Светка так разволновалась?»

Василий поспешил ее успокоить:

— Да живой я, живой. И что со мной могло случиться?

— Все что угодно! Когда стреляют, убить могут. Свер-

ФАНТАСТИКА

кало так, что из другого рукава будет видно! И откуда у тебя эсминце?

Василий прикинул, что теперь эта история все равно выплывет наружу, и решил не скрывать личности авантюристов:

— Палыч достал где-то.

— Какой Палыч?

— Иванников Александр Павлович. Адмирал на пенсии.

— Вы что, сами снаряды снаряжали?

«У, хитрая! Догадалась же...» — подумал Василий.

— Николаич помог. Трифонов Роман Николаевич. Полковник технической службы на пенсии.

— Стреляли-то по кому?

На пульте замигало табло, сигнализируя о закрывании шлюза, и одновременно в разговор влез адмирал:

— Светлана Даниловна, это Иванников. Мы тут мимо проходили. Собрались на пенсии попутешествовать. Мир посмотреть, себя показать. Зашли в систему, так сказать, по малой нужде. Видим — станция чужих тут затаилась. Ну, мы ее и того... подстрелили.

Светлана не выдержала:

— Товарищ адмирал!

— На пенсии, — успел ввернуть Палыч.

— Да! На пенсии! А ведете себя, как мальчишка!

Василий понял, что она сейчас врежет адмиралу по максимуму.

Динамики донесли шорох глубокого вдоха, и началось:

— Скажете тоже — мимо! Вы же это давно задумали! Вот, вижу — эсминце где-то сперли! Дядю Васю за дровами послали! Мне как сказали, столько он дров купил! Я что, дура? Пусть сама не разбираюсь, но нашлись люди! Просветили! Оказывается, обогащение у топливного двести тридцать третьего урана не хуже, чем у оружейного. А триста пятидесятый калибр под ядерные заряды создавался. Оружейники-самоучки! Деда-кладоискатели! А если бы она вас пришибла? Да я б никогда не простила! Ни вам, ни себе! Вы! Вы! Авантюристы!..

Василий слушал, как госпожа старший инспектор орет на всю систему. Слушал и представлял, как она сжимает кулачки и стучит ими по подлокотникам. Слушал и улыбался. Эта была та Светлана, которая могла отругать командира так же, как и сослуживцев-пилотов. Могла поставить на прикол лайнер из-за пары выбитых пикселей на экране. Но она не могла бросить друга, который вязался в авантюру. Даже если друг — нарушитель Конвенции о применении ядерного оружия.

